

ТЕОРИИ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

УДК 321.022

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-1-23

ФЕНОМЕН НАЦИОНАЛЬНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ: К УТОЧНЕНИЮ КОНЦЕПТА

С. П. ПОЦЕЛУЕВ

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

С. Н. ЦИБЕНКО

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Для цитирования:

Поцелуев С. П., Цибенко С. Н. Феномен национальной мобилизации: к уточнению концепта // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Том 11, № 1. С. 1–23. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-1-23.

Введение: в научной литературе отсутствует основательно проработанное понятие национальной мобилизации. Концептуализацию данного феномена затрудняют две крайности: в первом случае мобилизация трактуется как лишенный политической субъектности социальный процесс или фактор; во втором – мобилизацию относят только к поведению политических акторов в особых (критических) и временных ситуациях типа выборов, войн, катастроф. Результатом обеих трактовок является недооценка того, что национальная мобилизация есть способ формирования и существования, а не только активизации и демонстрации национальной идентичности.

Цель: предложить развернутое понятие национальной мобилизации на основе критического анализа подходов и концепций, относящихся к данному феномену.

Методы: критический анализ концептов нации и мобилизации в рамках конструктивистской парадигмы.

Результаты: под национальной мобилизацией следует понимать целенаправленную деятельность по организации разнообразных ресурсов (прежде всего символических) для вовлечения индивидов и групп в массовые акции и кампании, в ходе которых формируются идентификации людей с национальной общностью и конструируется коллективная идентичность нации на основе исходных сетей причастности индивидов к различным социальным общностям, воображаемого национального «врага» и пропагандируемого концепта нации как цели движения.

Выводы: из конструктивистского представления о мобилизации как способе формирования и существования нации вытекает принципиальная возможность успешного национал-строительства не только в индустриально развитых европейских странах, в культурном

плане гомогенизированных «печатным капитализмом», но и в аграрных (традиционных) политиках, зачастую выступающих сегментами многосоставных обществ и восполняющих дефицит «огромных читательских публик» систематической и массовой пропагандой этнокультурных символов.

Ключевые слова: социальная мобилизация; нация; национальная мобилизация; коллективная идентичность; традиционные общества; этнонациональная мобилизация

ВВЕДЕНИЕ

На сегодняшний день в отечественной и зарубежной науке отсутствует устоявшийся концепт *национальной мобилизации*. В зарубежной литературе соответствующий термин используется нечасто и разноречиво, без серьезной концептуальной проработки. Современные отечественные авторы, в свою очередь, предпочитают говорить об «этнополитической мобилизации». Это объясняется рядом обстоятельств: терминологической традицией, злободневностью этнонационализма в полиэтнической стране, недостаточным вниманием политического руководства к проблемам гражданско-государственного нациестроительства и т. п. Но есть и концептуальные причины, связанные, в частности, с трактовкой феномена мобилизации. Об этом и пойдет речь в данной статье.

Что бы мы ни понимали под национальной мобилизацией, логично рассматривать ее как вид социальной, а точнее, политической мобилизации. Этот тезис требует развития, по меньшей мере, в двух отношениях: как соотносятся социальная и политическая мобилизация и что следует понимать под социальной мобилизацией?

Прежде всего, понятие политической мобилизации предполагает отход от чисто социологического концепта «социальной мобилизации», который в свое время предложил Карл Дойч и который близок по смыслу к понятию социальной мобильности. Как и последняя, социальная мобилизация есть, по Дойчу, эффект модернизации традиционных западных обществ и определяется по таким социологическим маркерам, как грамотность, урбанизация, медиализация и др. Модернизация открывает доступ к новым формам социализации и к новым структурам социальных ролей, что и составляет, по Дойчу, суть социальной мобилизации. Социальная мобилизация означает для Дойча возникновение нового политического сознания у больших групп людей, а также невиданных доселе социальных потребностей эмоционального и рационального плана. Это производит такой тип национального государства, который не был предусмотрен, когда он впервые появился в виде политической конструкции (Deutsch, 1961, p. 493–495). В развитие подхода, намеченного К. Дойчем, некоторые авторы усматривают «признаки социальной мобилизации» в таких явлениях, как мобильность, миграции, маргинальность (Красильников, 2013, с. 21). Но так понятая «социальная мобильность» оставляет в стороне политическую субъектность данных явлений. И хотя сам К. Дойч намечает связь своего концепта социальной мобилизации с политическими сюжетами, в частности, через порождаемые мобилизацией новые требования к политической системе, все же для политического анализа такое, чисто социологическое, понятие мобилизации слишком абстрактно.

В работах отечественных авторов часто не делается существенного различия между концептами «социальная мобилизация» и «политическая мобилизация» (Ушакова, 2008), поскольку, помимо прочего, предполагается, что любая массовая мобилизация носит, так или иначе, политический характер. Примечательно, что в «Большом толковом социологическом словаре» Дэвида и Джулии Джери термин «мобилизация»¹ не растолковывается, а читатель отсылается к термину «политическая мобилизация», который определяется как «сбор и активизация людей, а также ресурсов государством, политической партией или социальным движением»². В таком же (широком) смысле разъясняется термин «политическая мобилизация» в словаре-справочнике И. И. Санжаревского – как «приведение в активное состояние, сосредоточение сил и средств политической системы или отдельных ее частей для достижения какой-либо цели»³. В отличие от этого в «Социологическом энциклопедическом словаре» термин «мобилизация» толкуется в более узком смысле – как «направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, военных, экономических и других целей»⁴.

Сходным образом политическая мобилизация определяется как «привлечение политическим лидером группой или правительством материальных или людских ресурсов для *форсированного* достижения поставленных целей»⁵. Российский историк С. А. Красильников определил политическую мобилизацию как «направленный (следовательно, управляемый) процесс активизации масс институтами власти для решения чрезвычайных политических, военных, социальных, экономических, культурных и других задач, возникающих в виде различных “вызовов и угроз”» (Красильников, 2013, с. 9). В этом определении надо только иметь в виду, что под «институтами власти» подразумеваются не только структуры государства; сверх того, требуется выяснить, что стоит за «процессом активизации масс», почему и как они «активизируются», в частности, в случае нацистроительства. Конкретизируя смысл этой активизации, С. А. Красильников делает акцент на «осознанной потребности ускорить» соответствующий процесс, «придав ему целенаправленность, размах, устойчивость, необратимость» (Красильников, 2013, с. 9).

На Западе концепт «социальная мобилизация» ныне используется для описания активности гражданского общества, в особенности предвыборных и протестных кампаний, организованных неправительственными игроками. Именно такую тематическую направленность обнаруживает выход

¹ *Большой толковый социологический словарь* / Под ред. Д. Джери, Дж. Джери; Пер. с англ. Н.Н. Марчук. М.: Вече, АСТ, 1999. Т. 1 (А–О). С. 430.

² *Большой толковый социологический словарь* / Под ред. Д. Джери, Дж. Джери; Пер. с англ. Н.Н. Марчук. М.: Вече, АСТ, 1999. Т. 2 (П–Я). С. 40.

³ *Политическая наука: словарь-справочник* / Сост. проф. И. И. Санжаревский. Тамбов, 2010 [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/1806/Мобилизация_политическая (дата обращения: 01.08.2018).

⁴ *Социологический энциклопедический словарь на рус., англ., нем., фр. и чеш. яз.* / Под ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА–ИНФРА, 2000 [Электронный ресурс]. URL: <http://politics.ellib.org.ua/encyclopedia-term-3573.html> (дата обращения: 02.08.2018).

⁵ *Политология: словарь-справочник* / М. А. Василик, М. С. Вершинин и др. М.: Изд-во Гардарики, 2001 [Электронный ресурс]. URL: https://political_science.academic.ru/541/МОБИЛИЗАЦИЯ (дата обращения: 02.08.2018).

дящий с 1996 года в США международный научный журнал “Mobilization”, который специализируется «на социальных движениях, протестах, мятежах, революциях и других формах конфликтной политики»⁶. В таком смысле социальная мобилизация, по сути, является одной из форм политической мобилизации снизу.

Российский социолог О. Н. Яницкий развивает в своих работах сходный концепт мобилизации, рассматривая ее как «коллективное действие, инициированное, как правило, социально-политическим конфликтом» (Яницкий, 2012, с. 3). Под конфликтом он подразумевает, прежде всего, «конфликт между гражданским обществом (часто социальными движениями) и государством», хотя и допускает, что важными факторами массовой мобилизации выступают в наше время природные, геополитические и техногенные катастрофы (Яницкий, 2012, с. 3). При таком (конфликтном) подходе, мобилизация представляется ограниченным или цикличным во времени феноменом, который не может продолжаться неопределенно долго (Яницкий, 2012, с. 3; Etzioni, 1968, p. 243). Она прекращается, если конфликт разрешается или сменяется демобилизацией по мере истощения ресурсов.

Политическую мобилизацию в узком смысле связывают также со спецификой политических режимов, различая, к примеру, авторитарный и соревновательный стили мобилизации. В первом случае, по словам российского политолога Д. В. Гончарова, публичная артикуляция общественных интересов подменяются работой по «политическому просвещению масс», тогда как второй осуществляется главным образом в структуре избирательных процессов. Сходным образом западные политологи Марк Хельблинг, Тим Рискенс и Дейтлин Штолле понимают под «политической мобилизацией» риторику политических партий, направленную на победу в электоральной борьбе (Helbling et al., 2015). Впрочем, применительно к незападным политическим системам Д. В. Гончаров говорит о «социально-политической мобилизации», которая «приобретает гораздо более масштабный характер, пронизывая всю систему общественной жизни нации» (Гончаров, 1995, с. 130).

Термин «социально-политическая мобилизация» вполне оправдан политической ангажированностью многих с виду «чисто общественных» структур. Однако иногда термин «социальная мобилизация» используется для описания акций неправительственных организаций, мобилизующих широкую общественность для решения каких-то общезначимых для гражданского населения проблем. Разумеется, и такие неправительственные организации нередко используются правительствами или противостоящими им силами для борьбы за власть, и тогда «социальная мобилизация» здесь тоже может оказаться средством или формой мобилизации политической. Но так бывает не всегда. Когда некоммерческие организации вроде “Unite for Sight”⁷, специализирующиеся на оказании медицинской помощи по всему миру, организуют бесплатную вакцинацию африканского населения, они борются

⁶ *Mobilization: An International Quarterly* [Электронный ресурс]. URL: <http://mobilizationjournal.org/loi/mai?code=hjdm-site> (дата обращения: 03.08.2018).

⁷ *Module 7: Social Mobilization* [Электронный ресурс] // Unite for Sight. URL: http://www.uniteforsight.org/social-marketing/social-mobilization#_ftn8 (дата обращения: 06.07.2018).

не за власть (по крайней мере, не только за власть в широком смысле этого слова), а за глобальное выживание – ведь вирусы потенциальных пандемий равнодушны к государственным границам и политическим авторитетам⁸.

Для наших задач больше подходит широкое толкование политической мобилизации, которое не связывает ее лишь с какой-то критически важной или, тем более, чрезвычайной ситуацией, но рассматривает как любой процесс целенаправленного вовлечения отдельных людей либо целых групп в общественно-политические акции и/или движения.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Более широкое понимание политической мобилизации диктуется широтой и сложностью задач, которые она решает. А они могут быть гораздо более основательными и менее локализуемыми во времени, чем задача выиграть очередные выборы или уладить отдельный, пусть и острый конфликт. На этот момент обращает внимание, в частности, С. А. Красильников, замечая, что в условиях тоталитаризма или продолжительного конфликта мобилизация «из относительно кратковременного действия, вызванного экстремальной и вполне конкретной ситуацией ... становится устойчивым мобилизационным состоянием» (Красильников, 2013, с. 20). Таковым состоянием она, по-видимому, становится в случае достижения любых «социетальных» (Красильников, 2013, с. 9) (а не локальных) целей – модернизации экономики и общества, упрочения геополитической мощи и, добавим, нациестроительства.

Отечественный историк С. Н. Ушакова также отмечает, что термином «социальная мобилизация» описываются не только отдельные конкретные акции, но также «более масштабные и длительные трансформации» (Ушакова, 2013, с. 23). К примеру, мировая война или борьба колоний за независимость – это уже другой масштаб вызова, требующий иной тип мобилизации. К таким фундаментальным социально-политическим задачам относится и строительство наций.

В определениях социальной (политической) мобилизации нередко ключевым выступает понятие ресурсов, что позволяет говорить о своего рода «ресурсном подходе» к трактовке мобилизации. Так, О. Н. Яницкий видит в мобилизации, прежде всего, «концентрацию сил и ресурсов, возможно, с потерями и даже риском жизни» (Яницкий, 2012, с. 4). С. Н. Ушакова, развивая эту мысль, связывает с концептом социально-политической мобилизации определенные «технологии, позволяющие добиваться общественной поддержки и активизировать имеющиеся ресурсы для решения разнообразных политических, социальных и экономических задач» (Ушакова, 2013, с. 23).

⁸ В некотором смысле социальная мобилизация может быть даже противоположна политической, поскольку любые политически централизованные стратегии ей только вредят, тогда как опора на местные традиции, инициативы и соучастие, напротив, ведет к успеху. Опыт НПО по реализации программ здравоохранения в странах Азии и Африки показал: когда социальная мобилизация инициируется в качестве политики сверху вниз, общины чувствуют себя эксплуатируемыми, а потому возмущаются соответствующими инициативами и отвергают их (Obregon and Waisbord, 2010).

Аналогичным образом, американский философ и социолог А. Этциони определяет мобилизацию как «процесс, посредством которого социальная единица с относительной быстротой берет на себя контроль над ресурсами, которые она не контролировала до этого» (Etzioni, 1968, p. 243). Ресурсный подход Этциони послужил развитию общего концепта национальной мобилизации, «одушевив» понятие социальной мобилизации, предложенное К. Дойчем. Этциони, прежде всего, связал процесс социальной мобилизации с определенными «социальными единицами», т. е. обществом в целом и его отдельными коллективами. Связав далее субъектность политической мобилизации с контролем над ресурсами, Этциони акцентировал при этом роль не только экономических и политических, но и психологических ресурсов, крайне важных для символически опосредованной национальной мобилизации. В психологические ресурсы Этциони включал «эмоциональную или нормативную приверженность к социальной единице» (Etzioni, 1968, p. 243). Среди этих социальных единиц он рассматривал не только типичные для Запада конца 60-х годов прошлого века правозащитные движения, но также «новые нации», т. е. постколониальные страны, решавшие проблемы модернизации, включая нациестроительство.

Упомянутый ресурсный подход к мобилизации был существенно развит американской (прагматической) версией теории мобилизации ресурсов, прежде всего, в работах Джона Маккарти и Майера Залда (McCarthy and Zald, 1977; Zald and McCarthy, 2017). Данная теория, как замечает известный итальянский социолог А. Мелуччи, «показала, что коллективное действие не является результатом объединения разрозненных индивидов. Скорее, оно должно рассматриваться как результат сложных процессов взаимодействия, опосредованного определенными сетями причастности к различным сообществам. Поэтому коллективное действие не является неструктурированным поведением в том смысле, что оно не подчиняется никакой рациональной логике. Напротив, оно предполагает четкую структуру отношений, схемы взаимодействия и влияния, выбор альтернативных форм поведения» (Melucci, 1996, p. 17–18).

Таким образом, мобилизация ресурсов, как суть социальной мобилизации, касается самой структуры и смысла коллективного действия; это, прежде всего, вопрос передвижения идей, а не информации и вещей.

Определение политической мобилизации как целенаправленного вовлечения людей в общественно-политические акции хорошо тем, что «вовлечение», в отличие от термина «активизация», точнее выражает суть перспективы трансформационного опыта сознания участников мобилизации, тогда как «активируется», как правило, то, что уже создано и функционирует по заданной схеме. Участники социально-политической мобилизации не столько активируют, сколько сообща формируют свою идентичность – как и участники любого настоящего ритуала в отличие от простой инсценировки (церемонии). Как следствие, концепт политической мобилизации с необходимостью требует прояснения вопроса о коллективной идентичности.

Сторонники примордиализма решают этот вопрос просто: они исходят из того, что нация есть структура, мистически порождаемая и живущая

«народным духом», «почвой и кровью», «цивилизационными скрепами» и т. п. Мелуччи, напротив, подчеркивает, что коллективная идентичность – это не факт наподобие идентичности отдельного человека, а лишь научный концепт как «аналитический инструмент», позволяющий, причем не без методологического риска, описывать сложную реальность коллективных действий. Коллективной идентичности как однажды установленного факта (наподобие идентичности Павла или Петра) вообще не существует. Вместо этого нам дан «процесс формирования идентичности, который конструирует и реконструирует себя в жизненном процессе отдельных лиц и групп и через их различные лица, роли и обстоятельства» (Melucci, 1996, p. 159). Концепт «коллективная идентичность» – это лишь инструмент, с помощью которого исследователь фиксирует стабильные моменты упомянутого процесса. И риск «порезаться» таким инструментом состоит в реифицирующей семантике самого термина «идентичность»⁹, который подталкивает исследователя к тому, чтобы рассматривать коллективных акторов как «единые онтологические сущности, легко предлагаемые исследователю для понимания посредством ссылки на какое-то базовое структурное состояние», т. е. понимаемые как вещьобразное «монолитное единство субъекта» (Melucci, 1996, p. 69, 74). С другой стороны, нет более удачного термина, чем «идентичность», чтобы выразить единство коллективных действий, когда «коллективный актор способен дать один определенный ответ через свои многочисленные уста» (Melucci, 1996, p. 86). Однако такое единодушие не дано как нечто само собой разумеющееся, в «порядке вещей», но всегда как эффект совместной конструирующей деятельности социальных акторов. Отсюда и возникает, по словам А. Мелуччи, концептуальная ловушка «коллективной идентичности», когда, «с одной стороны, субъект должен сохранять постоянство, которое, с другой стороны, должно производиться непрерывно» (Melucci, 1996, p. 86).

Учет этой ловушки необходим при анализе коллективной идентичности нации как политического сообщества. Надо, таким образом, четко различать два разных понятия: «национальная идентичность отдельного индивида», состоящая в его идентификации с определенным национальным сообществом, и «коллективная идентичность нации». Эта дистинкция дает возможность объективно представить природу и структуру национальной мобилизации. В самом деле, понимая идентичность национальной общности как де-факто конструируемый процесс, мы не можем принимать за очевидность степень и природу национального единства, определяемого «официальными» идеологами и представителями соответствующей нации. Такая критическая установка позволяет выявить те аспекты национального движения, которые относятся к мобилизации, но не видны на первый взгляд и которые помогают понять, почему одни национальные движения приводят к образованию нации, а другие – нет.

Таким образом, представление о постоянной генетической роли мобилизации в создании и поддержании коллективной идентичности вытекает

⁹ А. Мелуччи замечает в этой связи, что «термин “идентичность” концептуально неудовлетворителен: он слишком сильно передает идею постоянства субъекта» (Melucci, 1996, p. 85).

из указанного выше конструктивистского подхода. В его русле А. Мелуччи связывает с мобилизацией не только активизацию уже существующего социального актора, наделенного соответствующей идентичностью, но и процесс, благодаря которому создается и начинает действовать общественное движение, в процессе которого по-настоящему формируется коллективная идентичность. Поэтому мало сказать, что «мобилизация – это процесс, в рамках которого коллективный актор собирает и организует свои ресурсы для достижения совместной цели и вопреки сопротивлению групп, противодействующих данной цели» (Melucci, 1996, p. 289). Мелуччи идет дальше, развивая упомянутый выше (и во многом уже политизированный) концепт социальной мобилизации, предложенный А. Этциони. Американский политолог видит в социальной мобилизации процессы, которые «влекут за собой трансформацию вовлеченных в них социальных единиц» (Etzioni, 1968, p. 243). Итальянский социолог также отмечает, что в процессе мобилизации «происходит настоящая “мутация”, реструктурируется “генетический код” группы, что позволяет сформировать новую социальную единицу, способную создавать новые ресурсы» (Melucci, 1996, p. 292). С другой стороны, как подчеркивают западноевропейские социологи Микаэль Джерм и Аннетте Шнабель, для охвата и мобилизации широкой аудитории интерес политической элиты к национализму тоже должен испытать сложный процесс трансформации (Hjerm and Schnabel, 2010). При этом увеличение ресурсов членов социальной единицы или даже всей этой единицы, – как замечает А. Этциони, – само по себе на мобилизации как таковой не сказывается, хотя увеличивает мобилизационный потенциал; мобилизацией является лишь процесс, благодаря которому ресурсы делаются доступными для коллективного действия посредством изменения контроля над ними. Отсюда парадокс: «богатое сообщество может быть менее мобилизованным и менее способным к действию, чем сообщество, бедное по своим ресурсам», в том числе коммуникационным (Etzioni, 1968, p. 243). Другими словами, для концепта политической, а не просто социальной мобилизации важны не только ресурсы сами по себе, но также стратегия и технология обращения с ними. Национальное движение, как и любое политическое движение, мобилизует потому, что «оно собирает наследие и ресурсы уже существующих социальных структур и ориентирует их в направлении новых целей преобразования» (Melucci, 1996, p. 292).

Что же отличает национальную мобилизацию от других видов социально-политической мобилизации? И при каких условиях она становится возможной?

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе изучения упомянутого выше вопроса мы пришли к выводу, что понятие национальной мобилизации в известной мере оппонирует классическому модернистскому концепту нациестроительства, отраженному в работах Э. Геллнера, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и др. В этом концепте нация представляется как закономерный эффект действия сугубо объективных факторов вроде «печатного капитализма». Этот подход, в чем-то близкий марксистски ориентированной социологии, нередко критикуют за недооценку роли субъективных, сугубо политических факторов, которые некоторые авторы,

к примеру Константин Симмонс-Симонолевич, американский политический антрополог польского происхождения, связывает как раз с мобилизующим потенциалом национальных движений.

Национальная мобилизация на первый взгляд представляется процессом трансформации националистических аттитюдов политической элиты в националистическую идеологию, разделяемую массой людей. Другими словами, национальная мобилизация – это не стихийный социальный процесс, а организованное политическое движение с идеологической программой. Но «если мы хотим понять данное социальное движение, мы не можем рассматривать его как конкурирующую систему философии, но как группу действия, стремящуюся достичь определенных целей» (Symmons-Symonolewicz, 1965, p. 225). Однако данный момент не стоит толковать в духе радикального конструктивизма, который недооценивает роль объективных факторов, стоящих за различием национальных проектов. В этом случае исследователи, сводя национальную мобилизацию к политической, теряют смысл в использовании самого концепта национальной мобилизации. Так, в статье британского политолога Кристофера Уильямса, посвященной строительству нации в постсоветском Татарстане, несколько раз используется выражение «этническая мобилизация и нациестроительство в Татарстане» (Williams, 2011, с. 95–96, 118–119), но термин «национальная мобилизация» не упоминается вообще. Впрочем, определения этнической мобилизации статья тоже не содержит.

Аналогичным образом исчезает концепт национальной мобилизации в работе упомянутых выше западных авторов М. Хельблинга, Т. Рискенса и Д. Штолле, предлагающих способ измерить «мобилизацию идентичностей». Ставя под сомнение, вслед за рядом других авторов, практическую и теоретическую релевантность дихотомии этнического и гражданского в процессе нациестроительства, авторы исходят из того, что «причинно-следственная стрелка¹⁰ идет от мобилизационной риторики к массовой национальной идентичности» (Helbling et al., 2016, p. 762). Стало быть, национальную идентичность строят, т. е. «мобилизуют», преимущественно политические элиты как лидеры общественного мнения. В качестве материала такого строительства выступает абстрактно квалифицируемое «культурное многообразие», дополненное первичными идентификациями электората. При этом можно вообще не задаваться вопросом, какого типа (этнического или гражданского) эта мобилизуемая элитой национальная идентичность будет. Для упомянутых авторов существуют лишь непрерывные идентификационные шкалы с этническими и гражданскими концепциями идентичностей в качестве конечных точек, а национальная идентичность становится расстоянием от каждого из этих полюсов. Руководствуясь такой установкой, авторы сводят феномен и концепт национальной мобилизации к трем проекциям политической мобилизации – «инклюзивной, эксклюзивной и общей мобилизации (культурного) разнообразия» (Helbling et al., 2016, p. 751). Признавая, с одной стороны, что «некая глубинная динамика движет как мобилизацией элиты,

¹⁰ Метафорическое обозначение авторами причинно-следственного отношения «стрелкой» (arrow), как будто речь идет о схеме или чертеже, говорит само за себя.

так и массовой национальной идентичностью» (Helbling et al., 2016, p. 762), авторы, с другой стороны, лишают национальную мобилизацию онтологических опор, считая ее конструктом политических игроков, конкурирующих друг с другом на электоральном рынке идей.

Напротив, концепт социальной мобилизации, предложенный А. Мелуччи, помогает решить задачу взвешенного (учитывающего как субъективные, так и объективные факторы) рассмотрения мобилизации национальной. По словам итальянского ученого, необходимым условием возникновения любой социальной мобилизации является наличие, как минимум, трех факторов: 1) исходной коллективной идентичности, 2) идентификации противника, 3) определения цели движения (Melucci, 1996, p. 292).

Под первым фактором подразумевается не сформированная уже идентичность, а та «первичная сеть принадлежности к различным сообществам» (Melucci, 1996, p. 292), которая служит исходной базой для совместных солидарных действий. От полностью атомизированных индивидов, не имеющих никакого опыта совместных действий, культурных и организационных традиций, процесс мобилизации стартовать не может – и это в полной мере относится к национальной мобилизации. «Начало мобилизации, – подчеркивает А. Мелуччи, – всегда является делом тех, кто уже коллективно обладает идентичностью и стремится защитить ее от неминуемой угрозы перемен» (Melucci, 1996, p. 296). Такого рода «охранительные» лозунги типичны в случае этнонационалистической пропаганды, в особенности от имени «национальных меньшинств». Другое дело, что конечный результат этой пропаганды всегда оказывается ироничным: по ходу защиты имеющейся идентичности выстраивается идентичность новая, собственно национальная, а не кажущаяся «извечной» этническая, языковая, региональная и проч.

В случае национальной мобилизации упомянутую «первичную сеть принадлежности к сообществам» Э. Хобсбаум называет «протонациональными привязанностями» (proto-national identities), обладающими «потенциальной способностью действовать на новом, макрополитическом уровне, соответствующем современным нациям и государствам» (Хобсбаум, 1998, с. 75). Помимо языка, религии, региональных традиций как возможных оснований таких привязанностей, важных в случае этнонациональной мобилизации, Хобсбаум указывает также на опыт совместного проживания в едином (к примеру, имперском) государстве. При этом сама «причастность к государству», «привычка к пассивному самоотождествлению» с ним (Хобсбаум, 1998, с. 138) формирует государственный патриотизм как важную для гражданской национальной мобилизации¹¹ исходную «протонациональную привязанность».

Реалистичный концепт национальной мобилизации предполагает, что сеть упомянутых протонациональных идентичностей не только выступает

¹¹ В различении гражданского и этнического типов национальной мобилизации мы отталкиваемся от проводимого Энтони Смитом различия между, с одной стороны, западным типом нации (или “civic model of the nation” в терминах Э. Смита) с ее исторической территорией и демократическим государством, и, с другой стороны, незападным ее типом, трактующим нацию в смысле сообщества этнических родственников (“ethnic conception of the nation”, по Э.Смиту) (Smith, 1991, p. 9–11, 70).

первейшим условием национальной мобилизации, но также устанавливает культурные границы для фантазии амбициозных национальных «конструкторов», которые далеко не всегда чувствуют под ногами культурную почву. Другими словами, «интеллектуалы способны “изобретать” национальные сообщества только в том случае, если уже существуют определенные объективные предпосылки для образования нации» (Хрох, 2002, с. 122). Для национальной мобилизации, как и для любого политического процесса, есть определенные рамки. Испанский политолог Рамон Маис находит весьма полезным концепт «фреймов мобилизации» как «совокупности убеждений, которые придают смысл участию в коллективном действии» (Máiz, 2001, p. 117). Главными элементами этих фреймов выступают чувство несправедливости или неравенства (недовольства), причастность к коллективной идентичности и мотивация для политического действия.

Национальное движение и национальная мобилизация – понятия для нас перекрывающиеся, но не тождественные. Национальная мобилизация возникает только на средней фазе национального движения, которую М. Хрох называет фазой «В» и затем продолжается в фазе «С». Соответственно, начало национальной мобилизации совпадает с началом организуемой национальными активистами «патриотической агитации», призванной «разбудить» среди населения национальное самосознание (Хрох, 2002, с. 125).

Без достижения фазы «С» говорить о полноценной национальной мобилизации нет оснований. Одним из свежих примеров, иллюстрирующих этот тезис, является опыт силезского нациестроительства в современной Польше. Силезские национальные активисты, используя новые политические возможности, открывшиеся в Польше после падения коммунистического режима и вступления страны в ЕС, далеко продвинулись в реализации фазы «А» и «В» национального движения. В частности, как отмечает польский политолог Магдалена Дембинская, силезскими националистами был накоплен значительный символический потенциал, необходимый для строительства новой нации: сконструирован мифонарратив происхождения силезцев и несколько мифов народа-жертвы; очерчен круг национальных памятников и героев, отчасти узаконен статус «силезского языка», де-факто этнолекта. Однако пока что все попытки «залаявшего» (Э. Геллнер, 1991) силезского национализма мобилизовать массу жителей соответствующих регионов Польши (и тем самым бросить вызов актуальному концепту польской нации) успехом не увенчались. По словам М. Дембинской, данные переписей населения и социологических опросов показывают, что массовая мобилизация в пользу идеи силезской нации весьма ограничена: «У силезцев действительно есть чувство групповой самобытности, но это не обязательно приводит их к сознанию национальной принадлежности» (Dembinska, 2013, p. 59). Против основных «культурных скреп» гипотетической силезской нации играют, прежде всего, структурные изменения в регионе и некоторые глобальные тенденции.

«Силезский случай» еще раз показывает, что национальная мобилизация не ограничивается лишь однонаправленной агитацией (пропагандой) сверху вниз, от активистов-националистов к гражданской массе. Уже на примере социальной мобилизации в рамках неправительственной организации

это не работает; тем более, этого недостаточно на заключительной фазе национального движения (фазе «С»), когда оно становится массовым и основная часть населения начинает «придавать особое значение своей национальной идентичности» (Хрох, 2002, с. 125). А это предполагает, что агитация сверху вниз дополняется низовым массовым творчеством, инициативами снизу вверх, а также на горизонтальном уровне коммуникации. Сюда относятся неформальные дискуссии в публичных местах, спонтанные акции поддержки либо протеста, собственно, национальный фольклор.

Национальную мобилизацию мы трактуем шире, чем, к примеру, британский историк Джон Бройи, который видит в ней одну из функций (помимо координации и легитимации), ради которых используются националистические идеи. Точнее, национальная мобилизация для него – «применение националистических идей для обеспечения поддержки политическому движению среди широких слоев, которые прежде были выключены из политического процесса» (Бройи, 2002, с. 226). Правда, на узость такой трактовки национальной мобилизации указывает сам же Бройи, замечая, что «националистическое движение порой игнорирует националистов-интеллектуалов и черпает стимулы из сферы религиозных ценностей», так что «мобилизация масс, которая подчас действительно происходит, может быть связана скорее с его апелляцией к групповым интересам или ценностям ненационалистического порядка (то есть к упомянутым выше традиционным сетям принадлежности к сообществам – *прим. авторов*), нежели с националистическими пропагандой и деятельностью» (Бройи, 2002, с. 221). Отсюда следует, что для самого британского историка национальная мобилизация не сводится к одной только пропаганде и агитации, но представляет собой сосредоточение и контролирование всего набора социальных ресурсов. Именно в этом духе Р. Маис понимает под политической мобилизацией «способность – посредством организационных и дискурсивных усилий – основать нацию как неоспоримый политический факт среди больших социальных групп, опираясь на общие национальные интересы и специфические цели самоуправления» (Máiz, 2001, p. 86). Более того, национальная мобилизация, в отличие, к примеру, от мобилизации в рамках революции или войны, носит перманентный характер, пока существует нация; мобилизация есть способ существования национальной общности, а не просто одна из форм ее строительства и проявления. В этом смысле коллективная идентичность нации – это не только «самореализующееся пророчество», но и «самоувековечивающаяся мобилизация» или «ежедневный плебисцит».

Мало, поэтому, сказать, что при анализе перспектив национального движения надо учитывать не только формальный уровень социальной коммуникации (на что делается акцент в концепте нации и национализма у Геллнера и Андерсона (Андерсон, 2001; Хрох, 2002), но также ее содержание (Хрох, 2002, с. 133). Причем данное содержание должно не только относиться к полю крупного социального конфликта и длительного социального напряжения (неважно, внутри- или внешнеполитического): не менее важно, чтобы данный конфликт получил идеологическое осмысление и нашел выражение в главном мифическом нарративе нации, а именно в образе национального Соперника (Противника, Врага). Без идеологически закреплённой идентификации

этой фигуры нация ни воображается, ни мобилизуется. В нацию массы мобилизуются, прежде всего, символически связанными идеями, а не информацией и деньгами. Это хорошо показывает опыт успешного нациестроительства в аграрных (традиционных) обществах.

В своей классической книге Э. Геллнер отказывает аграрному обществу (по причине его сегментарной структуры и вещного характера труда) в той мобильности и эгалитарности, которые позволяют жителям индустриальных стран общаться между собой «с помощью письменных, безличных, свободных от контекста, ни к кому определенному не обращенных типовых посланий» и тем самым выстраивать национальное сообщество (Геллнер, 1991, с. 89). В этой связи М. Хрох соглашается с тезисом Э. Геллнера и К. Дойча о том, что «рост национальных движений ... происходил бок о бок с прогрессом социальных связей и мобильности, которые также развиваются не сами по себе, а в рамках более всеобъемлющей трансформации общества» (Хрох, 2002, с. 131). Вместе с тем чешский историк указывает на случаи, когда национализм может развиваться и в областях с минимально мобильным и малограмотным населением, тогда как интенсивный рост коммуникаций и высокий коэффициент мобильности могут сочетаться со слабой отзывчивостью населения к национальной агитации.

Сходным образом, британский историк Джон Бройи замечает, что «многие националистические доктрины и многие националистические политические движения расцвели в таких обществах, которым еще только предстояло претерпеть переход к индустриализации» (Бройи, 2002, с. 220). Хрох объясняет это вмешательством таких дополнительных факторов, как конфликт интересов в национальной сфере и связанный с этим кризис легитимности существующей власти. Вкупе с двумя другими факторами (базисный уровень вертикальной социальной мобильности и довольно высокий уровень социальной коммуникации) эти четыре фактора образуют для Хроха «модель успешного национального движения» (Хрох, 2002, с. 133) или национальной мобилизации (если смотреть под нашим углом зрения).

Эта модель может быть уточнена с опорой на концепт социальной мобилизации, предложенный А. Мелуччи. В понятиях социальной мобильности и коммуникации, который использует М. Хрох вслед за К. Дойчем и Б. Андерсоном, акцентируется главным образом высокий уровень грамотности и образованности, «огромные новые читательские публики», созданные благодаря «коалиции протестантизма и печатного капитализма» (Андерсон, 2001, с. 63) и «единому, общему для всех, стандартизированному устному и письменному языку» (Геллнер, 1991, с. 89). Однако не менее важна сетевая структура коммуникации, которая присутствует не только в современных (индустриальных) обществах, но и в обществах традиционных (аграрных). На этот момент как раз и обращает внимание итальянский социолог; для него любая коллективная идентичность, понятая как процесс, означает «сеть активных взаимоотношений между субъектами, которые взаимодействуют, общаются, влияют друг на друга, ведут переговоры и принимают решения» (Melucci, 1996, p. 71). Сетевая структура идентичности формируется с самого начала, во-первых, сетевой организацией активистов-пропагандистов

национального движения; во-вторых, медийными сетями, которые они при этом используют для распространения пропагандистского контента; в-третьих, уже упомянутыми выше первичными сетями принадлежности к различным сообществам, благодаря чему мобилизуемые граждане уже имеют некоторый опыт совместных действий (Melucci, 1996, p. 292).

Впрочем, с точки зрения концепта массового общества принадлежность людей к сети взаимоотношений, их интеграция в социальную ткань групповой и межгрупповой коммуникации скорее ослабляет, чем усиливает политическую мобилизацию, поскольку считается, что к последней склонны бесправные и политически бездомные индивиды. Но Мелуччи резонно замечает, что в ситуациях, характеризующихся сильными конфликтами и отсутствием надлежащих каналов для их артикуляции, группы, объединенные узами солидарности, могут стать ресурсом, способствующим мобилизации. Это очевидно в традиционных (аграрных) обществах, часто расколотых на сегменты (либо образующих собой традиционные сегменты в многосоставных обществах¹²) по расовым, классовым, этническим, идеологическим и прочим признакам. В данном случае можно предполагать, что «чем выше степень сегментации, тем плотнее сеть ассоциативной и/или общинной принадлежности и чем интенсивнее коллективное участие в этой сети отношений, тем быстрее и долговечнее будет мобилизация движения» (Melucci, 1996, p. 292).

Хрох показывает на примерах восточноевропейских национализмов, вызревавших в лоне имперских многосоставных политий, что дефицит политического образования и рациональной политической культуры (включая развитые формы политической логики и аргументации) скорее усиливал, чем ослаблял там агитацию как элемент национальной мобилизации. В этом случае не было возможности артикулировать конфликт более дифференцированно по разным идеологическим предпочтениям (как в передовых европейских странах) (Хрох, 2002). Фактически это означает, что доминирующей, если не единственной политической идеологией выступает в таком случае национализм, в котором образ враждебного Другого играет ключевую роль.

Отмеченная Хрохом особенность восточноевропейских национализмов ярко проявилась в период крушения коммунистических режимов и драматичном росте этнонационалистических тенденций внутри бывшего «Восточного блока». На этой политической волне концепт национальной мобилизации стал объектом изучения именно в форме этнической, а не гражданской национальной мобилизации. Важно, что национальная мобилизация понимается при этом не только как активизация уже наличной национальной идентичности, но и как способ ее формирования (конструирования)¹³. Впрочем, речь

¹² Под многосоставным обществом мы, вслед за А. Лейпхартом, понимаем любое общество с наличием «сегментированных различий», при которых линии политического противостояния частично или полностью совпадают с линиями социального (расового, этнокультурного, лингвистического, религиозного, идеологического и др.) деления общества (Лейпхарт, 1997, с. 41–42).

¹³ Именно в этом духе суть «энополитической мобилизации» российский политолог В. А. Ачкасов усматривает в манипулировании символическими ресурсами этнической группы, которым занимаются, прежде всего, элиты, отождествляющие себя с данной группой и стремящиеся вместе с ней обрести общую политическую/государственную идентичность (Ачкасов, 2014, с. 86).

идет именно о тенденции, поскольку и на Востоке Европы дают о себе знать эффекты демократизации и глобализации. Упомянутый выше случай незавершенной силезской национальной мобилизации подтверждает этот тезис. Как отмечает М. Дембинская, структурные изменения и новые политические возможности, возникшие в Польше после 1989 года в связи с открытием политического пространства и процессом транснационализации, затрудняют переход силезской национальной мобилизации в фазу массового движения, поскольку люди обрели многомерные дополнительные идентификации (Dembinska, 2013, p. 49).

Классический случай этнонациональной мобилизации (еще сильно подражавшей французскому образцу гражданского нациестроительства, но все же существенно от него отличавшейся благодаря акценту на этнокультурные символы) проанализировал немецкий исследователь М. Швайгер на материале ирландского национального движения первой половины XIX века. Ценность этого анализа для развития общего понятия национальной мобилизации состоит в том, что в нем показана формирующая национальную идентичность роль массовых мобилизационных кампаний¹⁴. В Ирландии первой половины XIX века возникли типичные для любой социальной мобилизации сети (союзы) национальных пропагандистов, которые «политизировали ирландское общество, проводя грандиозные, законные и ненасильственные мобилизационные кампании в небывалых масштабах» (Schwaiger, 2002, p. 4). Причем цели этих кампаний не исчерпывались одним только просвещением, но прагматически включали в себя прогрессивные политические, хозяйственные, конфессиональные и административные реформы в Ирландии (Schwaiger, 2002, p. 4). Через эти реформы устроители молодой ирландской нации желали впустить в нее всех жителей страны: и мужчин, и женщин, и бедных, и богатых, и католиков, и протестантов, предоставляя им равные права как членам национальной общности.

Этот момент исключительно важен, показывая нетождественность понятий национальной агитации и национальной мобилизации. Все упомянутые реформы, сама их пропаганда, были изначально вплетены в общую стратегию ирландского нациестроительства, альфой и омегой которой было манипулирование символическим материалом истории ирландского народа. «Национальные агитаторы, благодаря их руководству общественным мнением, их мобилизационным стратегиям и пропагандистским средствам, стремились занять по отношению к ирландскому населению положение распорядителей над его памятью и забвением. Ритуал, национальные символы, песни, литература и прикладное искусство как носители смыслов национального сознания были для агитаторов средством для сплочения жителей преимущественно аграрной страны в национальное сообщество единомышленников» (Schwaiger, 2002, p. 4–5). Тем самым опыт национальной мобилизации в Ирландии показывает, что в случае по преимуществу этнического, а не граж-

¹⁴ Заметим, что под этим углом зрения в зарубежной науке был исследован уже целый ряд случаев. Особенно интересным нам представляется анализ роли массовых мобилизационных кампаний в формировании национальной идентичности в маоистском Китае (Johnson, 1962; Barnes, 2013) и сталинской России (Бранденбергер, 2009).

данского типа национальной мобилизации акцент на символическом языке (и соответственно, не на логике, а на эмоциях, не на просвещении, а на внушении) является, по-видимому, общим правилом в традиционных (аграрных) обществах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен национальной мобилизации мы определяем как разновидность политической мобилизации, отличая последнюю от социальной мобилизации в узком смысле, которая не всегда имеет прямое отношение к борьбе за политическую власть, но касается, например, проблем общей безопасности. В широком смысле концепт социальной мобилизации совпадает в политической науке с понятием политической мобилизации, поскольку (в отличие от концепта социальной мобилизации у К. Дойча (Deutsch, 1961) обязательно учитывает ее политическую субъектность.

Под политической мобилизацией мы подразумеваем целенаправленное вовлечение индивидов и групп в социально-политические акции и движения. Это вовлечение не ограничивается только критическими или чрезвычайными ситуациями (выборы, войны, конфликты, катастрофы и т. п.) и не сводится лишь к контролю над ресурсами. Скорее, речь идет о мобилизации ресурсов как сложном и структурированном процессе коллективного действия, в ходе которого конструируется коллективная идентичность на основе исходных сетей причастности участников социальных акций и движений.

Из конструктивистского концепта коллективной идентичности вытекает, что идентичность национального сообщества есть не только предпосылка, но и результат, причем постоянный результат, процесса национальной мобилизации. Это значит, что вовлекаемые в национальное движение элементы меняют значение по ходу своего развертывания, а «генетический код» мобилизированной социальной группы трансформируется. Решающим фактором при этом является не столько количество и качество мобилизуемых ресурсов, сколько способ коллективного доступа к ним.

Национальная мобилизация – это не стихийный социальный процесс, а организованное политическое движение, основные условия которого – первичная сеть принадлежности к различным сообществам (протонациональные привязанности), идентификация символического противника (врага) нации, а также определение характера нации как идеала мобилизуемой массы. При этом протонациональные привязанности (историческая память, государственный патриотизм и т. п.) не только делают возможным начало национальной мобилизации, но и создают ей естественные рамки (фреймы), ограничивающие фантазию национальных «конструкторов».

Национальная мобилизация начинается в фазе «В» национального движения (в терминологии М. Хроха (Хрох, 2002) с началом «патриотической агитации» национальных активистов, однако одной агитацией не ограничивается. Более того, национальная мобилизация не сводится лишь к односторонней пропаганде сверху вниз (от элит к массе). Во-первых, не менее важную роль играет низовое национальное творчество, включая новые фольклорные жанры. Во-вторых, национальная мобилизация – это не только одна из функ-

ций трансляции националистических идей (помимо функций координации и легитимации) и не простая совокупность отдельных и спонтанно возникающих национальных акций (кампаний). Национальная мобилизация – составляющая национальных движений, способ формирования и существования наций.

Анализ условий достижения успешной национальной мобилизации помогает лучше понять, почему формирование нации оказывается принципиально возможным в неиндустриальных обществах, которые зачастую представляют собой многосоставные политики либо их сегменты. Ключевым фактором выступает здесь сетевая структура коммуникации, которая (в отличие от мобильности и эгалитарности как порождений индустриального капитализма) присутствует и в традиционных (аграрных) обществах. В успешном национальном движении мобилизуются не отдельные индивиды отдельными индивидами, а сеть активистов мобилизует традиционные сети членства и принадлежности к сообществам.

При этом такого рода сегментарность не только не препятствует, но способствует национальной мобилизации, нацеленной на строительство этнической, а не гражданской нации. Так, ирландское национальное движение первой половины XIX века демонстрирует решающую роль массовых мобилизационных кампаний в формировании этнонациональной идентичности на коллективном и индивидуальном уровнях. Сверх того, этот (и схожие восточноевропейские прецеденты) доказывают принципиальную возможность успешного нациестроительства в аграрных странах, где нет «огромных новых читательских публик» (Андерсон, 2001), зато ведется активная пропаганда этнокультурных символов.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации в сфере научной деятельности, проект № 30.2875.2017/8.9 «Этнополитическая и этнорелигиозная мобилизация черкесов и тюркских народов на Кавказе, в Крыму и диаспорах за рубежом».

Библиографический список

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении / Пер. с англ. В. Николаева. М.: КАНОН-Пресс; Кучково поле, 2001. 416 с.

Ачкасов В. А. Этнополитическая мобилизация: попытка концептуализации понятия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Философия. Культурология. Право. Международные отношения. 2014. №. 3. С. 81–89.

Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб.: ДНК, 2009. 416 с.

Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма // Нации и национализм / Под ред. Б. Андерсона, О. Бауэра, М. Хроха. М.: Праксис, 2002. С. 201–235.

- Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
- Гончаров Д. В. Политическая мобилизация // Полис. Политические исследования. 1995. № 6. С. 129–137.
- Красильников С. А. Социальная мобилизация как объект социогуманитарных исследований. Теоретические аспекты // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная монография / Отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. С. 9–22.
- Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. Сравнительное исследование / Пер. с англ. Б.И. Макаренко. М.: Аспект Пресс, 1997. 288 с.
- Ушакова С. Н. Проблема социальной мобилизации в современной англоязычной историографии // Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.): коллективная монография / Отв. ред. С.А. Красильников. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2013. С. 23–33.
- Ушакова С. Н. Социальная мобилизация как системная характеристика советского общества // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы: Сб. материалов II региональной молодежной науч. конф. / Отв. ред. А.К. Кириллов. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2008. С. 205–212.
- Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. / Пер. с англ. А. А. Васильева. СПб.: Алетейя, 1998. 306 с.
- Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Под ред. Б. Андерсона, О. Бауэра, М. Хроха. М.: Праксис, 2002. С. 121–145.
- Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–12.
- Barnes M. L. Mobilization Nation: Mass Movements in the People's Republic of China: Ph.D. Thesis. Toledo: The University of Toledo, 2013. 95 p.
- Dembinska M. Ethnopolitical Mobilization without Groups: Nation-Building in Upper Silesia // Regional & Federal Studies. 2013. Vol. 23, № 1. P. 47–66. DOI: 10.1080/13597566.2012.754352.
- Deutsch K. W. Social Mobilization and Political Development // American Political Science Review. 1961. Vol. 55, № 3. P. 493–514. DOI: 10.2307/1952679.
- Etzioni A. Mobilization as a Macrosociological Conception // British Journal of Sociology. 1968. № 19. P. 243–253. DOI: 10.2307/588830.
- Helbling M., Reeskens T., Stolle D. Political Mobilisation, Ethnic Diversity and Social Cohesion: The Conditional Effect of Political Parties // Political Studies. 2015. Vol. 63, № 1. P. 101–122. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9248.12087>.
- Helbling M., Reeskens T., Stolle D. The Mobilisation of Identities: a Study on the Relationship between Elite Rhetoric and Public Opinion on National Identity in Developed Democracies // Nations and Nationalism. 2016. Vol. 22, № 4. P. 744–767. DOI: <https://doi.org/10.1111/nana.12235>.
- Hjerm M., Schnabel A. Mobilizing Nationalist Sentiments: Which Factors Affect Nationalist Sentiments in Europe? // Social Science Research. 2010. Vol. 39, № 4. P. 527–539. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2010.03.006.

Johnson Ch. A. Peasant Nationalism and Communist Power: The Emergence of Revolutionary China, 1937-1945. Stanford: Stanford University Press, 1962. 268 p.

Máiz R. Nationalism and Political Mobilization: a Multidimensional Analysis of Nation-building // *Separata das Actas do Simposio Internacional de Antropologia "Etnicidade e nacionalismo"* / Ed. by X. M. Gonzalez Reboredo. Santiago de Compostela: Consello da Cultura Galega, 2001. P. 83–132.

McCarthy J. D., Zald M. N. Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82, № 6. P. 1212–1241.

Melucci A. Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 441 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511520891>.

Obregon R., Waisbord S. The Complexity of Social Mobilization in Health Communication: Top-Down and Bottom-Up Experiences in Polio Eradication // *Journal of Health Communication*. 2010. Vol. 15, № 1. P. 25–47. DOI: [10.1080/10810731003695367](https://doi.org/10.1080/10810731003695367).

Schwaiger M. A. Nationale Mobilisierung einer Agrargesellschaft. Die Catholic Association, die Loyal National Repeal Association und Young Ireland, 1801–1848: Dissertation. München: Ludwig-Maximilians-Universität München, 2002. 453 s.

Smith A. D. National Identity. London: Penguin Books, 1991. 236 p.

Symmons-Symonolewicz K. Nationalist Movements: An Attempt at a Comparative Typology // *Comparative Studies in Society and History*. 1965. Vol. 7, № 2. P. 221–230. DOI: [10.1017/S0010417500003625](https://doi.org/10.1017/S0010417500003625).

Williams Ch. Tatar Nation Building since 1991: Ethnic Mobilisation in Historical Perspective // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. 2011. Vol. 10, № 1. P. 94–123.

Zald M. N., McCarthy J. D. Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays. New York: Routledge, 2017. 435 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315129648>.

Информация об авторах

Поцелуев Сергей Петрович – д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

ORCID: 0000-0002-8562-6541

ResearcherID: S-1782-2016

Электронный адрес: spotselu@mail.ru

Цибенко Сергей Николаевич – научный сотрудник Центра междисциплинарных гуманитарных исследований ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

ORCID: 0000-0002-2406-3503

ResearcherID: T-9323-2018

Электронный адрес: tsibenko@sfedu.ru

Статья получена 19 октября 2018 года

UDC: 321.022

DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-1-23

THE PHENOMENON OF NATIONAL MOBILIZATION: CLARIFYING THE CONCEPT

Sergey P. Potseluev

Southern Federal University,

105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

ORCID: 0000-0002-8562-6541

ResearcherID: S-1782-2016

E-mail: spotselu@mail.ru

Sergey N. Tsybenko

Southern Federal University,

105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia

ORCID: 0000-0002-2406-3503

ResearcherID: T-9323-2018

E-mail: tsibenko@sfedu.ru

For citation:

Potseluev, S. P. and Tsybenko, S. N. (2019), "The Phenomenon of National Mobilization: Clarifying the Concept", *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 1, pp. 1–23, doi: 10.17072/2218-9173-2019-1-1-23.

Introduction. The academic literature lacks a thoroughly developed concept of national mobilization. Conceptualization of this phenomenon is complicated by two extremes: in the first case, mobilization is interpreted as a social process or factor devoid of political subjectivity; in the second case, mobilization refers only to the behavior of political actors in specific (critical) and temporary situations such as elections, wars, disasters, etc. Both interpretations result in an underestimation of the fact that national mobilization is rather a mode of national identity formation and existence, than only its activation and demonstration.

Aims. The paper is to propose a detailed concept of national mobilization based on a critical analysis of approaches and concepts related to this phenomenon.

Methods. A critical analysis of the nation and mobilization concepts in the framework of the constructivist paradigm.

Results. National mobilization should be understood as a purposeful activity (first of all, by the nationalist-minded activists) of organizing a variety of resources (primarily the symbolic ones) with the aim of involving individuals and groups into mass actions and campaigns, during which the identification of people with a national community is formed, as well as the collective identity of the nation itself is constructed on the basis of the existing affiliations network, imaginary national "enemy" and the promoted concept of nation as the goal of movement.

Conclusion. The constructivist idea of mobilization as a way of the nation's formation and existence, gives rise to a fundamental possibility of a successful nation-building, namely not only in industrialized European countries which are culturally homogenized by "printed capitalism", but also in agricultural (traditional) polities which are often acting as segments of plural societies and filling in the lack of "huge readership" with systematic and mass propaganda of ethno-cultural symbols.

Keywords: social mobilization; nation; national mobilization; collective identity; traditional societies; ethno-national mobilization

ACKNOWLEDGEMENTS

The research is a part of the programme budgeted by Russian Federation Ministry of Education and Science, project no. 30.2875.2017/8.9 "Ethno-political and ethno-religious mobilization of the Circassians and the Turkic peoples in the Caucasus, the Crimea and foreign diasporas".

References

Anderson, B. (2001), *Voobrazhayemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni* [Imagined Communities: Reflections on The Origin and Spread of Nationalism], Translated by Nikolayev, V., KANON-Press, Kuchkovo pole, Moscow, Russia.

Achkasov, V. A. (2014), "Ethno-political Mobilization: an Attempt to Conceptualize the Idea", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy. Arts. Law. International Relations*, no. 3, pp. 81–89.

Brandenberger, D. (2009), *Natsional-bol'shevizm. Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo natsional'nogo samosoznaniya (1931-1956)* [National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and Formation of Modern Russian National Identity, 1931-1956], DNK, Saint-Petersburg, Russia.

Breuilly, J. (2002), "Approaches to the Study of Nationalism", in Anderson, B., Bauer, O. and Hroch, M. (ed.), *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], Praxis, Moscow, Russia, pp. 201–235.

Gellner, E. (1991), *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], Translated by Berdikova, T. V. and Tyun'kina, M. K., Progress, Moscow, Russia.

Goncharov, D. V. (1995), "Political Mobilization", *Political Studies*, no. 6, pp. 129–137.

Krasil'nikov, S. A. (2013), "Social Mobilization as an Object of Socio-Humanistic Research. Theoretical Aspects", in Krasil'nikov, S. A. (ed.), *Sotsial'naya mobilizatsiya v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.): kolektivnaya monografiya* [Social Mobilization in Stalin's Society (the end of 1920–1930): Multi-authored monograph], Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, pp. 9–22.

Lijphart, A. (1997), *Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh. Sravnitel'noe issledovanie* [Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration], Translated by Makarenko, B. I., Aspekt Press, Moscow, Russia.

Ushakova, S. N. (2013), "The Problem of Social Mobilization in the Modern English Historiography", in Krasil'nikov, S. A. (ed.), *Sotsial'naya mobilizatsiya v stal-*

inskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.): kollektivnaya monografiya [Social Mobilization in Stalin's Society (the end of 1920–1930): Multi-authored monograph], Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, pp. 23–33.

Ushakova, S. N. (2008), “Social Mobilization as a Systemic Characteristic of the Soviet Society”, in Kirillov, A. K. (ed.), *Istoricheskie issledovaniya v Sibiri: problemy i perspektivy: sbornik materialov II regional'noi molodezhnoi nauchnoi konferentsii* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects: Proceedings of the II regional youth scientific conference], Siberian Branch of Institute of History of the Russian Academy of Sciences (RAS), Novosibirsk, Russia, pp. 205–212.

Hobsbaum, E. (1998), *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and Nationalism after 1780], Translated by Vasil'eva, A. A., Aleteiya, Saint-Petersburg, Russia.

Hroch, M. (2002), “From National Movement to the Fully-formed Nation: the Nation-building Process in Europe”, in Anderson, B., Bauer, O. and Hroch, M. (ed.), *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism], Praxis, Moscow, Russia, pp. 121–145.

Yanitskii, O. N. (2012), “Mass Mobilization: Theory Problems”, *Sociological Studies*, no. 6, pp. 3–12.

Barnes, M. L. (2013), Mobilization nation: mass movements in the People's Republic of China, Ph.D. Thesis, the University of Toledo, Toledo, USA.

Dembinska, M. (2013), “Ethnopolitical Mobilization without Groups: Nation-Building in Upper Silesia”, *Regional & Federal Studies*, vol. 23, no. 1, pp. 47–66, doi: 10.1080/13597566.2012.754352.

Deutsch, K. W. (1961), “Social Mobilization and Political Development”, *American Political Science Review*, vol. 55, no. 3, pp. 493–514, doi: 10.2307/1952679.

Etzioni, A. (1968), “Mobilization as a Macrosociological Conception”, *British Journal of Sociology*, no. 19, pp. 243–253, doi: 10.2307/588830.

Helbling, M., Reeskens, T. and Stolle, D. (2015), “Political Mobilisation, Ethnic Diversity and Social Cohesion: The Conditional Effect of Political Parties”, *Political Studies*, vol. 63, no. 1, pp. 101–122, doi: 10.1111/1467-9248.12087.

Helbling, M., Reeskens, T. and Stolle, D. (2016), “The Mobilisation of Identities: a Study on the Relationship between Elite Rhetoric and Public Opinion on National Identity in Developed Democracies”, *Nations and Nationalism*, no. 22, pp. 744–767, doi: 10.1111/nana.12235.

Hjerm, M. and Schnabel, A. (2010), “Mobilizing Nationalist Sentiments: Which Factors Affect Nationalist Sentiments in Europe?”, *Social Science Research*, vol. 39, no. 4, pp. 527–539, doi: 10.1016/j.ssresearch.2010.03.006.

Johnson, Ch. A. (1962), *Peasant Nationalism and Communist Power: The Emergence of Revolutionary China, 1937-1945*, Stanford University Press, Stanford, US.

Máiz, R. (2001), “Nationalism and Political Mobilization: a Multidimensional Analysis of Nation-building”, in Gonzalez Reboredo, X. M. (ed.), *Separata das Actas do Simposio Internacional de Antropoloxia “Etnicidade e nacionalismo”*, Consello da Cultura Galega, Santiago de Compostela, Spain, 83–132.

McCarthy, J. D. and Zald, M. N. (1977), “Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory”, *American Journal of Sociology*, vol. 82, no. 6, pp. 1212–1241.

Melucci, A. (1996), *Challenging codes: collective action in the information age*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Obregon, R. and Waisbord, S. (2010), "The Complexity of Social Mobilization in Health Communication: Top-Down and Bottom-Up Experiences in Polio Eradication", *Journal of Health Communication*, vol. 15, no. 1, pp. 25–47.

Schwaiger, M. A. (2002), *Nationale Mobilisierung einer Agrargesellschaft. Die Catholic Association, die Loyal National Repeal Association und Young Ireland, 1801-1848*, PhD thesis, an der Fakultät für Geschichts- und Kunstwissenschaften der Ludwig-Maximilians-Universität München, 02 April 2002, München, Germany.

Smith, A. D. (1991), *National Identity*, Penguin Books, London, UK.

Symmons-Symonolewicz, K. (1965), "Nationalist Movements: An Attempt at a Comparative Typology", *Comparative Studies in Society and History*, vol. 7, no. 2, pp. 221–230, doi: 10.1017/S0010417500003625.

Williams, Ch. (2011), "Tatar Nation Building since 1991: Ethnic Mobilisation in Historical Perspective", *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*, vol. 10, no. 1, pp. 94–123.

Zald, M. N. and McCarthy, J. D. (ed.) (2017), *Social Movements in an Organizational Society: Collected Essays*, Routledge, New York, US.

Received October 19, 2018